

РАБЕКО Игорь Иванович (1923–2012)

Родился 5 мая 1923 г. в Минске. В 1938 году отец был репрессирован, умер в лагерях в 1944 г. В 1941 г. окончил среднюю школу в Сталинграде и работал на заводе, в составе заводской дружины участвовал в боях, был контужен. С 1942 по 1945-й год воевал на разных фронтах Великой Отечественной, участвовал в советско-японской войне 1945 года. После войны окончил артиллерийское училище, служил на Тихоокеанском флоте, в Порт-Артуре, Владивостоке. В 1969 году уволился в запас в чине майора и работал на железной дороге до 1978 года. Стихи, пародии, фельетоны стали публиковаться с начала шестидесятых годов в разных журналах страны: «Вопросы литературы», «Крокодил», «Смена», «Сибирские огни», «Дальний Восток», дальневосточных альманахах и сборниках. Автор книг, изданных во Владивостоке: «Я видел жизни красоту» (1974), «Огневые ступени» (1990) и др. Жил во Владивостоке, член Союза писателей России. Умер 28 марта 2012 г.

ГОДКИ

Когда над майской бухтой
витражами,
слепя, повиснет
праздничный салют –
тогда воспоминанья, обнажаясь,
из толщи лет насыщенных встают.
Встают воспоминанья, как солдаты
под громкий горн, зовущий на редут!
И старые обугленные даты
путями задымленными ведут.
Жестоким памятью спешу за ними следом:
Мелькают – Сталинград... друзья,
Сирень...
И рушится грохочущее небо,
Распоротое свёрлами сирен!

Любовь ещё не тронула меня.
Я в мир входил,
от нежных чувств отрезан.
Мир состоял из дыма и огня,
и из земли, разодранной железом.
Да кое-где из дымной полутьмы
контуженных берез свисали плети.
Четвёртый натиск отбивали мы!
А в роте все –
рожденцы Двадцать Третьего.
Да за спиною Тракторный завод –

металла исковерканного гуща
и «юнкерсов» зловещий хоровод,
взывающую смерть земле несущий!..

Нет, боль не заглушили сорок зим.
И зарево я помню без заката,
и по-над Волгой густо-жирный дым
от взвихренного Нефтесиндиката!
Лежали грудью в сторону врагов
кварталов павших черные скелеты.
И листьями заволжских берегов
осыпалось расстрелянное лето.

II

В захлест ночных атак, в завалы
срывался я с гудящих ног...
Но, оглущенный, всё же встал я
и бой держал, куда мог:
в гремящем и ревушем пекле,
где артогна метался вихрь,
где звезды сыпались и меркли
и для врагов и для своих.
Огромен вихрь тот был и страшен –
он раскалил земной покров!
Срывались танковые башни,
наткнувшись на удар стволов.
И кто был ада наваждением –
не угадать уже в кустах.
Одним для всех сопровождением
был звон в ушах и звон в мозгах!
И пробегала дрожь по векам,
и дым, и кровь, и сотни ран..
Но напряженность всех молекул
в единый отлилась таран!
Не счесть их было – разных возрастов,
во имя жизни в серый цвет одетых.
Одни, изведав рудный вкус пластов,
промерили ногами полпланеты.
Другие – мертво бросив якоря
(у каждого характер и причины),
зыбун у котлованов покоря,
с фундамента индустрию учили.
Мои ж годки в гранатах знали толк,
тактический простор вскрывая ротам,
по горло в вещмешки натискав тол,
неотвратимо проползали к дотам.
В руках других, над чередой высот
стремительно рвались в атаку стяги!

Они добрались до дымящих сот
и твердо расписались на рейхстаге!

Ш

Атаковал, взрывая почки, май!
Сады курились розовой метелью.
Светясь, хлестала радость через край
и ветром над Европою летела.
Но мы покуда не вольны:
отверг микадо мирный путь исканий.
«По-олк, по вагонам!...» –
наш конец войны
застрял узлом на Тихом океане...

С календаря, кружась, слетел листок,
беззубые туннели драли глотки,
а эшелон, врываясь на Восток,
степенно замедлял свою походку.

Стекала с небосклона тушь ночная,
утратил паровоз порыв страстей.
Качнувшись, стала станция Мучная
с экзотикой восточных областей...

Скопилось за кордоном много зла.
И отзвук дня нередко хмурил лица.
На север от Кореи поползла
змеею

ядовитая

граница.

Тут не нужны особые глаза:
кричали правду о соседских нравах –
контрольно-следовая полоса
и МЗП, упрятанные в травах.
Да часто, на предутренней росе,
когда тайга рассвет стране рожала,
сверкало в оборонной полосе
на островах отточенное жало!

IV

Полночный полог тонкого руна
укрыл опушку и позиций бровки.
И облаком зашторилась луна,
блюдя приказ о светомаскировке.
Под кронами – светляк на светляке,
как огоньки у новогодних свечек.

Смычком царапнул струны вдалеке
лягушкою разбуженный кузнечик.
И снова тишь.
Казалось, ночь вдохни –
в ночь погружайся, дремой упоенный...

С шипением хвостатые огни
взметнулись разом – красный и зеленый!
Мильоном бочек гул сорвался вниз
и, вздрогнув, расколосось мелко лето! –
как будто у Хингана собрались
все громы, бороздившие планету.
Прохладу подменил стволов накал,
испуганно тряслись деревьев кроны,
смотрели, багровея, облака,
как мы взрывали вражью оборону!..

V

В земле и в нас саднящим шрамом след.
Еще не сразу можно взвесить
те – бомбами кореженных» – пять лет,
страну швырнувших
к предкам лет на десять;
на петли рваных рельсовых колеи,
к сиротам тонкошеим, взор гнетущим;
к проросшему молчанию полей,
упорно разминирования ждущим.
Еще не сразу выработан ход,
солдатки в бриджах, коровенки в мыле...
Колхозным пепелищам ждать не год,
чтобы ярмо на трактор заменили.

Годки, годки – чудесные ребята!
Со школьных лет впитав и долг и честь,
Евразию спасали в Сорок Пятом!
Осталось вас – по пальцам перечесть.
И как воспоминанья ни крути,
а каждый стал нам беспредельно близким.
И вехами жестокого пути
по всех земле маячат обелиски!
А Вечный бы огонь в местах их сна
заполыхал – от края и до края
Земля бы раскалилась докрасна,
собою мирозданье прожигая!

Навеки юные – они нам память жгут.
Их к нам бы в строй –

раскатисто запели бы!
Не мертвые они – они живут,
лежащие от Тихого до Эльбы.
Они на переправе и в бою,
сквозь пыль и дождь
шагают в ногу с нами.
И только на поверку не встают,
звоня правофланговых голосами.
Мечты их вместе с нашими летят,
они на верность сдали свой экзамен»
И с фотографий выцветших глядят
за службой нашей строгими глазами.